

УДК 1(091)

КАТЕГОРИЯ ОПЫТА В ФИЛОСОФИИ Ф. АНКЕРСМИТА

Г.С. Ицкович

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.214

В статье рассматривается категория опыта в философии Ф. Анкерсмита. Наметившийся в конце XX в. отход от идеи, что язык должен занимать центральное место в философии, не обошел и голландского философа. Анкерсмит стремится преодолеть свои ранние антиреалистические взгляды на природу историописания. Он приходит к идее, что, хотя прошлое не дано нам, оно может вторгаться в нашу жизнь посредством возвышенного исторического опыта, одновременно побуждая историка к изучению какой-либо темы и формируя тот взгляд, которым исследователь смотрит на прошлое. Анкерсмит старается выйти за пределы узкого нарративистского взгляда на природу исторического текста, однако, не отказывается от них окончательно, так как нарратив рассматривается им как итог деятельности историка, обусловленной возвышенным историческим опытом.

Ключевые слова: *возвышенный исторический опыт, нарратив, травма, ностальгия, репрезентация, историописание, прошлое.*

Тема исторического опыта занимала важное место в работах философов. Эту тему исследовали многие историософы от Кроче и Коллингвуда до Шпенглера, Хайдеггера, Ясперса и др. Однако философия прошедшего столетия больше концентрировала свое внимание на языке и том, как прошлое репрезентируется в нарративе. Это нарративизм – от Л. Витгенштейна до А. Данто в аналитической философии. Тем не менее в конце века философы, поняв, что не все ответы на вопросы лежат в языке, снова обратились к такой, казалось бы, расплывчатой категории, как опыт. Одним из таких философов был известный нарративист Ф. Анкерсмит, который через увлечение нарративистскими концепциями пришел к идее возвышенного исторического опыта.

Опыт, как уже было отмечено, так или иначе затрагивался в исследованиях самых различных людей – от Хайдеггера с его экзистенциальным переживанием времени до Х.-Г. Гадамера и Х. Уайта. Гадамер был первым, кто убедительно показал, что для исторического познания жизненно необходимо осознавать дистанцию между прошлым и настоящим (эта идея стала ключевым пунктом в размышлениях Анкерсмита, что и будет выявлено далее) [5, с. 108]. Однако Гадамер, увлеченный исследованием Традиции, изучение и освоение которой и является главной работой историка, не уделил должного внимания вопросу субъективности исторического познания. Опыт как непосредственно *отношение* к прошлому рассматривается только благодаря нарративистским концепциям (как бы парадоксально на первый взгляд это ни звучало), т. к. суть исторического опыта действительно явлена в их асимметрии, а рассматривать этот феномен возможно только на базе идеи, что вне нарратива никакого прошлого нет [8]. В основе концепции возвышенного исторического опыта Анкерсмита лежит идея важности осознания прошлого как чего-то навсегда утраченного (пусть это и не согласуется напрямую с идеями нарративистов).

© Ицкович Г.С., 2022

В ходе своих исследований исторического нарратива Анкерсмит приходит к логичному выводу, что в историческом исследовании отсутствует такой объект, который был бы самостоятельным по отношению к исследователю. В историческом нарративе содержится метафорическое описание прошлого таким, каким его видит исследователь, не более того [2, с. 99]. Поскольку прямой контакт с прошлым невозможен, голландский философ старается найти нечто, что связало бы исследователя и прошлое. Для Анкерсмита важно понять, как историк взаимодействует с прошлым и как прошлое воздействует на историка до того момента, когда исследователь, используя тщательно отобранные инструменты, создает нарратив. Ведь в историческом повествовании выражено определенное представление о прошлом, сформированное у историка. Подобные вопросы приводят Анкерсмита к идее возвышенного исторического опыта.

Как отмечает сам нидерландский философ, теория возникла не на пустом месте. К моменту выхода книги многие западные философы уже обратились к опыту, отойдя от исследования языка. Как это описывает сам Анкерсмит, ушло время всеобъемлющих и всеобъясняющих систем, которые наделяли всю человеческую природу значением и концентрировали в себе и прошлое, и настоящее, и будущее. Значение теперь фиксируется в том месте и в то время, где оно возникло. Будущее и прошлое стали рассматриваться через призму настоящего, а следовательно, и значения (культурные, нарративные и т. д.) соответствуют исключительно «опыту настоящего». Значение черпает свое содержание из способа, каким мир нам предстал в опыте. Значение теперь более тесно связано с опытом, нежели с теорией [1, с. 19–20]. Здесь ясно виден разрыв с идеалами постструктурализма. Действительно, если в основу значения положен опыт, следовательно, центральная роль отводится субъекту, который этот опыт переживает, тогда как в философских концепциях с 1960-х и примерно по 1990-е гг. субъект играл достаточно незначительную роль, поскольку с точки зрения постструктурализма, скорее, «язык говорит человеком» (известная фраза, точное авторство которой трудно установить. Возможно, она восходит к известному афоризму М. Хайдеггера – *Die Sprache Spricht*). Иными словами, переоткрытие опыта – это одновременно и переоткрытие субъекта. Важная идея, поскольку постструктурализм со своим сведением человека (и субъекта) к чистой структуре, как у М. Фуко, например, зашел в тупик, из которого не может выбраться до сих пор.

Идея о ключевой роли личного опыта родилась, во-первых, из размышлений Анкерсмита над связью личности историка и создаваемыми им работами. Имя ученого и теория (которая противопоставляется значению), например, в физике напрямую не связаны: законы Ньютона или Максвелла были бы открыты и другими физиками, субъективная составляющая в этом случае ничтожна. Другое дело – историописание. Такие вещи, как «Осень Средневековья» или «Старый порядок и революция», могли быть написаны только Й. Хёйзингой или А. де Токвиллем соответственно. Подобные работы неотделимы от личности автора, поскольку создавались исходя из необходимости, которую ощущал этот конкретный человек [1, с. 21]. Данный факт, как считает Анкерсмит, опровергает всё, что представители философии языка и науки писали об исторических текстах. В подтверждение нидерландский философ указывает на смещение внимания историков на историю ментальности, которая наметилась в 1970–80-е гг. Стало возможным, таким образом, выразить опыт, который до этого считался категорией невыразимой. Однако возникает вопрос, способен ли историк действительно столкнуться с реальным опытом прошлого или он обречен оставаться в «тюрьме языка», поскольку трудно спорить, что отношение историка с прошлым опосредовано языком, и никуда от этого не деться. Впрочем, Анкерсмит старается оспорить данное утверждение. С его точки зрения, опыт как раз и способен вывести историка из «лингвистической тюрьмы» и определить его связь с прошлым. В последние десятилетия в

исторической науке все чаще используются такие термины, как «память» (в основном, коллективная) и «травма», которые зачастую замещают используемый ранее термин «история» [10, с. 410]. Это видится симптоматичным, поскольку и память, и травма всегда связаны с опытом. Говоря о памяти, Анкерсмит задается вопросом: а действительно ли мы способны *испытывать* прошлое?

Кроме тенденций в области исторической теории, на Анкерсмита повлияли и сдвиги, произошедшие в области философии. Как известно, XX в. – век философии языка. Это характерно не только для аналитической философии (преимущественно англосаксонской), которая вся выросла из исследований языка, но и для континентальной философии (феноменология, экзистенциализм, структурализм и постструктурализм). Однако в 1980–90-е гг. начались серьезные изменения. В работах таких философов, как Д. Деннет и Д. Сёрл, прослеживается смещение акцента с философии языка к философии сознания. С точки зрения Анкерсмита, три категории – опыт, сознание и язык – являются ключевыми в современной философии. Как он это объясняет: через опыт мы познаем мир, благодаря сознанию мы получаем репрезентацию этого мира, которая в итоге выражается через язык. И если эта схема верна, то смещение внимания от языка к сознанию – это в конечном счете путь к опыту. Изучая исключительно язык, опыт можно не затрагивать, т. к. язык способен обходиться без опыта, тогда как сознание без опыта невозможно [1, с. 25]. Кроме этого, заметную роль в современной философии стала играть эстетика, поскольку она чаще всего концентрирует свое внимание на искусстве, которое, вследствие некоторого разочарования в науке, стало играть в обществе весомую роль. Искусство же обращается к опыту гораздо активнее, чем к сознанию и языку. Более того, оно не является языком. Анкерсмит отдает предпочтение в этом вопросе скорее Х.-Г. Гадамеру и А. Данто, нежели Н. Гудмену, поскольку первые в своих исследованиях концентрировали свое внимание на опыте в искусстве, т. к. успех искусства можно измерить в единицах опыта, а само художественное произведение – выражение опыта автора [1, с. 26]. Утверждение, на самом деле, крайне спорное. Трудно возразить Анкерсмитам, что искусство теснейшим образом связано с опытом. Однако так ли слаба его связь с языком? Очень трудно представить себе безязыковое искусство. Оно создается с помощью определенного языка, и его вполне возможно описать с точки зрения лингвистики. Произведение искусства – это всегда сообщение, которое должен расшифровать получатель, а возможной расшифровка становится только при посредстве языка [7, с. 20]. Более того, искусство способно выполнять функции языка вообще, т. к. нередки случаи коммуникации с помощью искусства (эзопов язык как один из ярких примеров). Таким образом, не стоит отбрасывать работы Н. Гудмена как ненужные, устаревшие и неактуальные, поскольку даже если произведение искусства – выражение личного опыта автора, он фиксируется только и исключительно с помощью языка. Иначе произведения искусства просто не было бы. И в дальнейшем Анкерсмит, говоря про возвышенный исторический опыт и его выражение с помощью нарратива, это утверждение пусть и ненамеренно, но подтверждает.

Опыт для Анкерсмита – категория онтологическая [6, с. 105]. Опыт – это всегда то, чем человек сам является. Получая опыт, человек полностью меняется, на смену старой личности приходит новая. Стирается всё, что было раньше. Возникает парадокс – Анкерсмит рассматривает опыт как реабилитацию субъекта, однако при получении опыта субъект полностью поглощается объектом [1, с. 314–315]. Очевидно влияние Гадамера, который, рассматривая категорию исторического опыта, его суть видел в том, чтобы историк был открыт всему новому [5, с. 561].

Для опыта важны конкретные вещи, которые могут его «вызвать», возникает он внезапно и не может быть предугадан. Опыт в основе своей антиметодологичен, его нельзя познать. Историк переживает опыт спонтанно. Поэтому опыт всегда

индивидуален и не претендует на объективность. Сам опыт не может быть интерпретирован (Анкерсмит в целом отказывается от такого понятия, т. к. акт, при котором происходит интерпретация, и ее результат – вещи не одинаковые). Но и используемое нидерландским философом понятие «репрезентация» здесь не подходит, поскольку опыт чтения текста не поддается репрезентации, а таковая воссоздает лишь его значение, которое складывается в процессе чтения [1, с. 148]. Текст в данном случае – итог того воздействия, которое оказывает на человека опыт. Однако именно опыт лежит в основе понимания и создания репрезентации, вид которой опытом и определяется, что и приводит к тому, что каждая репрезентация индивидуальна. Благодаря переживанию опыта историк пишет свой текст с уже сложившейся точки зрения. То ощущение прошлого, которое было явлено историку через контакт с текстом, и создает у историка определенное представление.

Опыт проявляется в процессе чтения историком источника. Эффект достигается благодаря «эффекту реальности». Впервые это понятие ввел в литературоведении Р. Барт. Суть его заключается в том, что различные мелкие детали, какие-то, на первый взгляд, не имеющие значения подробности, всё это вовлекает читателя в нарратив через столкновение с реальностью. История раскрывается в развитии сюжета через причинно-следственные связи, однако реализм в произведение привносят, на первый взгляд, необязательные детали, которые ничего не добавляют к сюжету, или примечания. И уже через их взаимодействие с сюжетом и рождается «эффект реальности» [3, с. 392–400]. Анкерсмит убежден, что данное понятие применимо и к историческому источнику. Зачастую именно в деталях кроются самые важные для историка вещи: лексика автора источника, речевые обороты, описания быта и т. д. Прошлое проявляет себя в будущем именно через такие детали, поскольку, хотя прошлое нам не дано напрямую, сохраняет себя (или, точнее, свои следы) в источнике. Анкерсмит считает это «надежным каналом» между прошлым и настоящим (тем конкретным моментом, когда историк работает с источником) [1, с. 201]. Кроме желания запечатлеть все-таки какое-то реально присутствующее прошлое (что коренным образом отличает Анкерсмита периода «Возвышенного исторического опыта» от Анкерсмита времен «Нарративной логики»), нидерландского философа привлекает тот факт, что «эффект реальности», создаваемый деталями в повествовании, создается благодаря тропам и лишь внутри текста, что ограничивает прошлое рамками нарратива, как бы подтверждая те тезисы, которые Анкерсмит выдвигал в своих предыдущих работах о принципиальной неререференциальности исторического повествования.

Ярким выражением идеи Анкерсмита является популярное в настоящее время направление микроистории. Внимание историка к мелким деталям, личным переживаниям исторического агента – всё это уводит историю от всеобъемлющих и объясняющих общий ход исторического процесса теорий и систем к конкретным фактам и событиям, происходит деконтекстуализация факта, в отличие от традиционной эпистемологии истории. Универсализм исторических концепций уступает место видению прошлого каждым конкретным историком. Стирается граница между ученым и прошлым. Зачастую личное видение конкретного человека оказывается несочетаемым с другими подходами, а иногда и просто противоречащим им. Как пишет Анкерсмит, «историописание не имеет никакой структуры референции, которая бы лежала в основе всех исторических репрезентаций» [2, с. 292]. Исследователь уже не пытается выявить определенную структуру исторического процесса, а остается лицом к лицу с конкретным событием и с конкретными обстоятельствами. В этом контакте и возникает исторический опыт [1, с. 181]. Опыт оказывает наиболее сильное воздействие на исследователя благодаря диссонансу с современностью. Несочетание окружающей историка

действительности с тем образом, который родился благодаря чтению источника, вызывает своеобразную ностальгию, которая и определяет дальнейшую работу.

Впрочем, несмотря на популярность микроистории и кажущуюся убедительность аргументов Анкерсмита, невозможно понять микроисторию без общего контекста. К примеру, «Сыр и черви» К. Гинзбурга невозможно понять без исследования более широкой панорамы жизни и нравов средневековой Италии и тех идей, которые проявлялись в религиозной среде. Более того, еретические взгляды мельника из Фриули исследуются через изучение традиционных языческих культов. То есть всё равно происходит включение конкретного в общее. Кроме того, трудно поверить, что, создавая подобное исследование, ученый не исходит из уже ставших традиционными взглядов на исторический процесс.

Так или иначе, но конкретное событие, поставленное вне контекста, предстает перед исследователем без тех значений, которые навязываются извне той или иной методологией [1, с. 221]. Анкерсмит не утверждает, что опыт помогает объяснить изучаемый исторический факт. Напротив, факт может быть объяснен только путем контекстуализации. Просто это действие вторично, т. к. Анкерсмит считает, что значение факта определяется через нарративную структуру уже в самом историческом сочинении, поскольку в самой истории структуры нет. Исторический опыт лишь помогает при восприятии прошлого, а уже после историк рационализирует изучаемый факт или событие. Несмотря на противоречие между историческим опытом и исторической эпистемологией, философ настаивает, что познать прошлое можно лишь сочетая два подхода. То представление, которое формируется у исследователя под влиянием опыта, может и должно быть выражено в форме нарратива, и вот он уже определяется тем взглядом, сложившимся у ученого благодаря опыту, который позволил соприкоснуться с прошлым.

Основой для Анкерсмита послужила идея И. Канта, который видел возвышенное как такое чувство, которое может возникнуть под влиянием объекта или явления. Но возвышенность – это не свойство наблюдаемого объекта, а идея разума. Кант называет такую категорию итогом рефлексивного суждения, определяющего возвышенное. Такие суждения выявляют в конкретном, особенном общем. Лишь то, что не доступно анализу и рассудку, выходит за пределы известного и привычного, может вызвать возвышенное. Оно всегда строго индивидуально и превосходит рациональные возможности человека. Так же, как возвышенное у Канта, возвышенное Анкерсмита корнями уходит в сознание человека. На возвышенное не влияют никакие законы, даже законы логики. Благодаря этому становится возможным сочетание несочетаемого, зачастую вместе сосуществуют совершенно противоположные ощущения и чувства. Синтез возвышенного исторического опыта и исторической эпистемологии – тот мост, который соединяет прошлое и настоящее.

Идея о вторгающемся в жизнь опыте, иррациональном и неподконтрольном человеку, не нова. Схожие идеи встречаются в трудах самых разных философов. Кроме идеи возвышенного Канта, видится параллель с философией В.С. Соловьева, хотя и невозможно предположить, что русский философ оказал какое-то влияние на Анкерсмита. Тем не менее определенное сходство есть. Ведь Соловьев писал, что ни воля, ни чувства, ни разум не способны постичь Сущее, поскольку таким образом можно постичь лишь одну сторону Абсолюта. Ключ к постижению Абсолюта лежит во внутреннем опыте человека. «Схватывание» происходит именно через целостный внутренний опыт, так можно постичь целостность опыта в его всеединстве. В подобном мистическом акте соединяются субъект и объект, то, что познается, и сам познающий. Однако то, что было воспринято через веру, человек способен впоследствии рационализировать [9, с. 83]. Так же и опыт у Анкерсмита – практически мистическое озарение,

контакт с прошлым из современности и последующая реализация сложившегося представления о прошлом в нарративе. Кроме того, прослеживается влияние А. Бергсона и его идеи субъективного времени, которая заключается в том, что время – чистая длительность, целостная и неделимая. Длительность способствует тому, что прошлое способно проникать и в настоящее. Наша память способна воскрешать события прошлого, мы способны возвращаться назад, и благодаря этому разные времена способны сосуществовать одновременно. Время постигается исключительно внутренним опытом человека [4, с. 24–25]. Безусловно, Бергсон говорит о личном прошлом конкретного человека, но и Анкерсмит начинает свои рассуждения с того, что отношения индивида со своим личным прошлым применимы и к отношению с историей.

Благодаря соприкосновению прошлого и настоящего рождается возвышенный исторический опыт. Глядя в прошлое из современности, исследователь четко осознает тот факт, что прошлое ушло безвозвратно. Яркий пример подобных ощущений – фотография, влияние которой на человека заключается как раз в том, что фотография – свидетельство прошлого, возвращение в которое невозможно [1, с. 255–258]. Прошлое осознается только через чувство утраты. Иначе прошлое сливается с настоящим. Таким образом, историк не освобождается от необходимости владеть материалом для исследования, он должен быть знаком с ним. Только так, через уже познанное, можно прийти к возвышенному опыту, лишь благодаря тому контексту, который дает нам информацию о прошлом [1, с. 354–355]. Всё, что написано на исследуемую конкретным историком тему, – внешнее по отношению к нему. Возвышенный исторический опыт же исключительно субъективен и ведет только к пониманию истории конкретным человеком. А исторический текст – плод его личных переживаний [1, с. 368]. В случае возвышенного исторического опыта граница между прошлым и современностью лежит исключительно в сознании самого субъекта. История теперь воспринимается как нечто личное, формирующее твою идентичность. Чувство возвышенного несколько парадоксально делает прошлое реальным, переживаемым сейчас, и в то же время разделяет настоящее и прошлое, вызывая чувство ностальгии.

Ностальгия для Анкерсмита – это способ, с помощью которого мы можем пережить время. Философ пишет, что «возвышенный исторический опыт есть опыт обособления прошлого от настоящего. Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира» [1, с. 368]. Чувство это в некотором смысле травмирующее, но именно из травмы получается лучший текст. Не зря Анкерсмит пишет, что его теория лежит корнями в романтизме. Но не в романтизме бидермайера, а в мрачном романтизме Гельдерлина и Шуберта [1, с. 4]. Возвышенный исторический опыт не может быть определен ни как объективный, ни как субъективный. Он является неким синтезом. Один способен перейти в другой. Например, объективный опыт вызывает в сознании историка определенную реакцию, благодаря чему объективный опыт переходит в субъективный [1, с. 368]. Прошлое для Анкерсмита делится на два типа: аутентичное и неаутентичное. Неаутентичное – то, которое уже изучено в рамках нарратива. Аутентичное – прошлое, данное нам через опыт ностальгии. То есть такое прошлое, которое невозможно вернуть. Получается, что Анкерсмит возвращает нас к тому пониманию прошлого, которое существовало до «лингвистического поворота» в философии.

Важно, однако, понимать, что, несмотря на всю свою иррациональность, исторический опыт во всей его внезапности не может идти в отрыве от человеческой физиологии, так как любые эмоции, чувства, мысли диктуются мозгом и определяются работой и даже анатомическим строением. В связи с этим хочется отметить, что теория Анкерсмита в наши дни получает неожиданное подтверждение. В Чехии неврологом И. Ректором было проведено исследование, в ходе которого люди, пережившие

Холокост, и их потомки проходили различные тесты – как с помощью психологических опросников, так и с помощью МРТ. В ходе исследования выяснилось, что в мозгу переживших Холокост наблюдаются серьезные структурные и функциональные изменения, а именно в тех участках коры головного мозга, которые ответственны за преодоление стресса и память. Эти участки меньше по размеру и сужены. Впрочем, подобные результаты в отношении людей, которые лично застали Холокост, удивления не вызвали. Интересно то, что подобные изменения зафиксированы и у потомков в третьем поколении, то есть у тех, кто родился через 30–50 лет после окончания Второй мировой войны. Пока рано подводить итоги исследования, поскольку не до конца ясен механизм передачи травмы по наследству. Кроме того, ученые планируют продолжить изучать следующее поколение, т. е. четвертое. Также планируется исследование мозга людей, переживших Югославские войны, и их потомков, чтобы выяснить, характерны ли подобные изменения в мозгу еще для кого-то, кроме тех, кто пережил Холокост [11]. Несмотря на то, что исследование далеко от завершения, можно предположить, что идея Анкерсмита о травмирующем опыте – не просто абстрактная спекуляция, а идея, имеющая физиологическое и анатомическое воплощение. И что «эффект реальности» достигается не только благодаря художественным приемам и мелким деталям, используемым в историческом тексте, а следует напрямую из структуры человеческого мозга. Разумеется, пока рано делать выводы, но видится, что идея о том, что люди могут наследовать определенные психические травмы своих предков, имеет потенциал.

Таким образом, концепция возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита является одной из наиболее актуальных в современной философии истории. Благодаря голландскому философу категория опыта вышла из того забвения, в котором пребывала почти весь XX в. Оказалось, что опыт был рано списан со счетов, у этой категории огромный эпистемологический потенциал. Возвышенный исторический опыт не только объясняет природу возникновения исторического исследования, но и старается вникнуть в те отношения, в которых находится историк как со своим исследованием, так и с изучаемым прошлым, которое, в противовес нарративистским концепциям, не является фикцией, конструируемой в рамках конкретного текста, а оказывается вполне реальной вещью, с которой соприкасается ученый и которая влияет не только на сам текст, но и на его восприятие читателями.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры М.: Канон-Плюс, 2009. 400 с
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», 1989. 616 с.
4. Бергсон А. Сочинения: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 4. 325 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: «Прогресс», 1988. 704 с.
6. Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX- XXI веков / отв. ред. Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 294 с
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: «Искусство», 1970. 385 с.
8. Олейников А. Исторический опыт – новый предмет теории. [Электронный ресурс] URL: <http://kogni.narod.ru/exper.htm> (дата обращения: 14. 12. 2021).

9. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: «Правда», 1989. 736 с.
10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 424 с.
11. Dopady extrémního stresu se projevují v mozkové struktuře potomků ve druhé a třetí generaci // Hospodářské Noviny. [Электронный ресурс] URL: <https://vikend.hn.cz/c1-67010380-dopady-extremniho-stresu-se-projevují-v-mozkove-strukture-potomku-ve-druhe-a-treti-generaci> (дата обращения: 16.12.2021).

CATEGORY OF EXPERIENCE IN F. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY

G.S. Itscovich

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of the category of «experience» in F. Ankersmit's philosophy. In the end of XX century philosophers, including F. Ankersmit, realized that language cannot be at the center of philosophy and turned their attention to the category of experience. Dutch philosopher tries to overcome his early anti-realistic views on the historiography. He comes up with the idea that, although the past is not given to us, it can intrude into our lives through sublime historical experience, which can both stimulate the historian to study a topic and shape the way the researcher looks at the past. Ankersmit tries to expand his narrativist views on the nature of the historical text, however, he does not completely turn them down, since he considers the narrative as the result of the historian's research determined by sublime historical experience.

Keywords: *sublime historical experience, narrative, trauma, nostalgia, representation, historiography, past.*

Об авторе:

ИЦКОВИЧ Глеб Сергеевич – аспирант каф. философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru

Author information:

ITSCOVICH Gleb Sergeyeovich – PhD student at the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver, Russia. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru